

ДОСТОЕВСКИЙ В РАБОТЕ НАД «ДНЕВНИКОМ ПИСАТЕЛЯ»

(Из истории взаимоотношений Достоевского с читателями)

О взаимоотношениях Достоевского со своими читателями написано уже достаточно много. Сам писатель не раз возвращался к этой теме на страницах своего «Дневника». Исследователи также не обошли ее вниманием. Особенно большой вклад в изучение проблемы принадлежит И. Л. Волгину.¹ Письма читателей к Достоевскому регулярно публикуются в сборниках «Достоевский: Материалы и исследования». Однако тема эта до сих пор полностью не исчерпана, и в настоящей заметке предлагаются еще два небольших сюжета, имеющих к ней непосредственное отношение.

1

Работая над «Дневником писателя», Достоевский обычно составлял программу очередного выпуска в начале месяца (выпуск же выходил в свет в последних числах месяца). Некоторые темы возникали значительно раньше, за два-три месяца до их реализации, иногда за полгода. Работа же над текстом выпуска велась около двух недель. Обычно делались предварительные наброски в записной тетради или на отдельных листах. Окончательный, связный текст писался в последние 4—5 дней.

Но бывали случаи, когда тема возникала вдруг, под впечатлением неожиданных обстоятельств, и вся работа над текстом, который писался в уже готовый, сложившийся выпуск, занимала несколько часов, иногда последнюю ночь перед выходом выпуска в свет.

Так, в результате цензурного исключения главки «Старина о петрашевцах» в январском выпуске 1877 г. возник великолепный этюд «Именинник», написанный в ночь на 30 января, накануне выхода в свет январского выпуска.²

Подобный случай, но по другой причине, произошел при работе над июньским выпуском 1876 г.

Начало лета 1876 г. Достоевский проводил в Старой Руссе, где работал над текстом июньского «Дневника», посылая его по мере готовности в Петербург для набора. 28 июня он приехал в Петербург, чтобы прочитать корректуры, подписать готовый выпуск к печати, а затем ехать для лечения в Бад-Эмс. 29 июня вся работа над «Дневни-

¹ См., например: Волгин И. Л.: 1) Письма читателей к Ф. М. Достоевскому // Вопросы литературы. 1971. № 9; 2) Незавершенный диалог // Там же. 1975. № 4; 3) Достоевский и русское общество («Дневник писателя» 1876—1877 годов в оценках современников) // Русская литература. 1976. № 3; 4) Доказательство от противного. Достоевский-публицист и вторая революционная ситуация в России // Вопросы литературы. 1976. № 9; 5) Достоевский-журналист («Дневник писателя» и русская общественность). М., 1982. С. 41—65.

² См. об этом: Степанова Г. В. Достоевский в работе над «Дневником писателя» в 1877 г. (Один из эпизодов творческой истории) // Русская литература. 1986. № 2. С. 164—167.

ком» заканчивалась. И в это время к Достоевскому пришла Софья Ефимовна Лурье, с которой он познакомился и уже встречался прошедшей зимой. Она рассказала писателю, что собирается ехать в Сербию «ходить за ранеными». Встреча эта произвела на Достоевского столь сильное впечатление, что по уходе девушки он начинает набрасывать в записной тетради свои размышления, возникшие после разговора с Лурье, отделив их от предыдущих набросков записью: «Здесь, 29 июня» (см.: 24, 225). «Здесь» в данном случае означает: в Петербурге, в отличие от записей, сделанных в Старой Руссе.

Основные темы, здесь намеченные: 1) отношение к славянам в Европе и в России; 2) движение женщин за активное включение в общественную жизнь и 3) необходимость высшего образования для женщин. «...необходимо, — замечает Достоевский в записной тетради, — *полное* университетское образование, чтобы усмирить волнение. Подъем слишком серьезен, и только в самой высшей науке столько серьезности, чтоб усмирить волнение» (24, 226). Говоря о «волнении», писатель имеет в виду неразрешенный «женский вопрос». Он вспоминает женщин, глубоко не удовлетворенных своим положением: девушек-нигилисток, рвущихся на акушерские курсы, и акушерку Писареву, покончившую жизнь самоубийством. Все эти стремления на медицинские или педагогические курсы не спасают положения, мыслящие женщины не находят в этом удовлетворения, не могут самореализоваться. «А права, которые дает образование, завоюются сами собою», — заключает Достоевский (Там же).

Все эти размышления оказались настолько животрепещущими, что в ночь с 29 на 30 июня Достоевский решает написать еще одну, пятую, главку во вторую главу июньского выпуска «Дневника писателя», выпуска, который был уже готов, набран и откорректирован. Это главка «Опять о женщинах», в которой писатель рассказывает о приходе к нему Софьи Лурье, разумеется, не называя ее по имени, и завершает рассуждением о необходимости для женщин высшего образования. «...потребность у нас высшего образования для женщин — потребность самая настоятельная и именно теперь, ввиду серьезного запроса деятельности в современной женщине, запроса на образование, на участие в общем деле. Я думаю, отцы и матери этих дочерей сами бы должны были настаивать на этом, для себя же, если любят детей своих. В самом деле, только лишь высшая наука имеет в себе столько серьезности, столько обаяния и силы, чтоб умирить это почти волнение, начавшееся среди наших женщин. Только наука может дать ответ на их вопросы, укрепить ум, взять, так сказать, в опеку расходившуюся мысль» (23, 53).

Мысль о необходимости высшего образования для женщин и позднее высказывалась Достоевским. Так, в письме к своей читательнице А. Ф. Герасимовой, кончившей гимназию и собирающейся поступить на акушерские курсы, чтобы «приносить пользу обществу», Достоевский утверждает, что гораздо полезнее «заняться высшим образованием», говорит о необходимости в России — и именно теперь — широкого и разностороннего образования, его так не хватает в нашем обществе (см. 29₂, 144—145).

30 июня в 5 часов главка «Опять о женщинах» была написана. Достоевский посылает ее текст в типографию для набора вместе с запиской к метранпажу М. А. Александрову:

«Любезнейший Михаил Александрович, посылаю Вам тексту на 4 полулистка (...) Писал не переписывая — разборчиво ли будет? (...) В 1-ом часу пополудни постараюсь быть в типографии» (29₂, 89).

Очевидно, уже нет времени на присылку корректуры писателю на дом, как это обычно делалось, и отправки ее обратно в типографию. Достоевский сам едет в тот же день в типографию, читает корректуру на месте. В тот же день набранный текст выпуска везут к цензору, который его подписывает, и июньский «Дневник писателя» выходит в свет.

Эпизод этот дает дополнительные штрихи к картине, показывающей приемы и методы работы Достоевского. Писатель часто работал импульсивно, под впечатлением минуты, так сказать, по наитию. Такую работу он любил и делал особенно вдохновенно: так иногда рождались маленькие шедевры, интересные, глубокие мысли легко ложились на бумагу.

Таким вдохновляющим импульсом в данном случае послужила встреча с читательницей.

2

15 февраля 1877 г. к Достоевскому обратился с письмом Виктор Фокиевич Соловьев, отрекомендовавшийся как «смотритель топлива» на станции Динабург С.-Петербургской железной дороги и подписавшийся: «крестьянин Новгородской губернии». Соловьев откликнулся на январский выпуск «Дневника писателя» за 1877 г. и, пожелав подписаться на издание, приложил к письму подписные деньги. В приписке к письму он замечает: «При этом пользуюсь настоящим случаем, не могу удержаться, чтобы не беспокоить Вас и от себя и от многих других, мне подобных невежд, не знающих иностранных языков — но тем не менее поклоняющихся литературным трудам некоторых русских писателей, в числе их и Вашим и даже *дорогого* кн. В. Мещерского, — одним вопросом. Неужто так-таки ничего хорошего — истинно русского и нельзя написать без вклейки целых строк заграничных каракулей, хотя и в скобках, но тем не менее для многих, если не для большинства, положительно непонятных. Графчику-то, а то пожалуй и князьку-то можно бы и извинить, — потому он все же князь, хотя и Мещерский, хотя и народу понятный. У него и книжечки подороже. — Но встречать эти непонятные для нашего брата каракули у Вас как-то обидно.

Пожалуйста, не откажите и в февральском дневнике сообщите о состоянии здоровья Некрасова. Ежедневные газеты нередко размазывают на своих столбцах мало кому интересные брань и сплетни, но о таких вещах, как болезнь дорогого всем русским поэта, — не говорят. Вот если бы получил насморк какой-либо Краевский — ну, тогда дело другое.

Крестьянин Новгородской губернии В. Соловьев».³

³ Рукописный отдел ИРЛИ, № 298558 Цит. по: Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского СПб., 1995. Т. 3. С. 174—175.

Достоевский, получивший это письмо 16 февраля, обратил на него особое внимание, сделав помету на конверте: «Кочегар. Французские слова» (30₂, 68). Писатель особенно дорожил письмами читателей, относившихся к демократическим слоям общества. Обычно это были учащиеся, гимназисты, недоучившиеся студенты, люди без определенных занятий и средств к существованию. Письмо рабочего из крестьян — редкий случай даже среди читателей Достоевского. Автор «Дневника писателя» отреагировал на него определенным образом: начиная с февральского выпуска 1877 г. Достоевский стал помещать переводы иноязычных слов и фраз прямо в тексте «Дневника», в скобках, вслед за иностранными словами (см., например: 25, 51, 53, 59; 26, 11, 16, 41 и др.).

С. БЭЛЭНЕСКУ

ОБРАЗ ЧИТАТЕЛЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ДОСТОЕВСКОГО

Первое время молодому писателю реальный русский читатель особого доверия не внушает. В письме к Михаилу Михайловичу Достоевскому от 1 февраля 1846 г. автор «Белых ночей» с большой проницательностью констатирует, что — пока — реальной читающей публике, «толпе» литературных потребителей, из-за отсутствия образованности недостает умения понять, «как можно писать таким слогом. Во всем они привыкли видеть рожу сочинителя; я же моей не показывал. А им и невдогад, что говорит Девушкин, а не я, и что Девушкин иначе и говорить не может» (28₁, 117). Это суждение двадцатипятилетнего автора поражает решительностью и верностью восприятия эмпирического читателя-современника, не умеющего разъяснить себе соотношение между абстрактным, условным, но более реальным, чем реальное, вне-литературное, лицом «сочинителя» и повествователем. Его приводят в уныние разногласия между теми же реальными читателями, не говоря уже о Белинском и его соратниках, не удовлетворенных «Двойником». Если прибавить к этому «неограниченное самолюбие и честолюбие» автора (28₁, 120), получится еще более правильное представление о самосознании автора. Когда дело касается суждений о *другом* — о читателе, острое, болезненное самосознание, ироническое чутье, здравый смысл абстрактного «чистого» «я» (как сказал бы Бахтин) предохраняют его от преувеличений. То, что он называет «азартом критики», «авторитетными нападками Белинского», резко отграничено им от отзывов публики. От «предубеждений публики», даже тогда, когда эта читающая публика его с шумом и криком хвалит, автор держится в стороне (см. письмо А. А. Краевскому от 1 февраля 1849 г. — 28₁, 148). Не критикам (будь они Белинскими или Страховыми) и тем более не литературоведам предназначает Достоевский свои произведения. Говоря словами Бахтина, не критиков-литературоведов приглашает он к своему пиршественному столу,¹ ибо не о впечатлении самых осведом-

¹ См.: Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М., 1986. С. 529.